

Литература, 9 класс, муниципальный этап
Время выполнения – 5 часов
Максимальное количество баллов за все задания – 90 баллов

Задание № 1 (70 баллов)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на ваш выбор).

Выполняя целостный анализ главы «Шесть» из произведения Наринэ Абгарян «Мачуча», примите во внимание следующие аспекты его содержания и формы (поэтики): соотношение точки зрения героя-ребенка и повествователя-взрослого; способы изображения психологического мира ребенка; особенности композиции произведения; связь комических и мелодраматических подробностей повествования. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Наринэ Абгарян

Мачуча
Шесть

– Чуть наклони голову к плечу. Улыбнись. Улыбнись! Ты умеешь улыбаться? Покажи, как умеешь. Молодец. И не моргай. Смотри вот сюда, сейчас вылетит птичка.

Мачуча высоченный, очень смуглый и неожиданно сероглазый. Чтобы поймать его взгляд, приходится сильно откидывать назад голову. Снизу он похож на великана – длинные-предлинные ноги, большие руки с нервными пальцами – он водит ими в воздухе, словно наигрывает на невидимом инструменте. «Наверное, на дудке играет», – думаю я. Спрашивать робею – Мачуча красивый. А красивые мужчины у меня, шестилетней, ничего, кроме недоверия, не вызывают.

Волосы у Мачучи кудрявые, смоляные, ресницы частые и пушистые, усы огибают верхнюю губу скобой – он отпустил их совсем недавно, потому смотрятся они на его лице так, словно их фломастером пририсовали. Мне его усы не нравятся, о чем я сразу же сообщаю, но Мачуча говорит, что они придают ему солидности. Мне лень спрашивать, что такое солидность, потому я делаю важное лицо и киваю. Пусть думает, что знаю.

Фотоателье Мачучи называется «Берд». Ровно так, как называется городок, где мы с ним живем. Я – в двухэтажном каменном доме на пригорке, когда ветрено, в окна моей комнаты стучится райская яблоня, а луна ночью рисует на половице блекло-серебристый квадрат. Мачуча – в одноэтажном доме на локте соседней улицы, у него старенькая мать Нубар, говорит она на западноармянском диалекте, который я с трудом понимаю. А еще она знает английский и здороваётся со мной при встрече так: гуддей, дарлинг, хау ар ю. Ай эм файн, отвечаю я. Это все, что я умею ей ответить. Где папа Мачучи, я не знаю. Может, умер, а может, бросил их и уехал в другой город, как это сделал муж моей тети. И теперь она вынуждена работать в три смены, чтобы прокормить дочерей, а муж звонит ей раз в месяц и говорит, что денег не будет, и пусть они выкручиваются как хотят. Муж у моей тети красивый.

Перед тем как сфотографироваться, я решаю привести себя в порядок. Зеркало находится в крохотном, огороженном ширмой закутке. К стене прислонен колченогий стул, видно, для тех, кто не любит приводить себя в порядок стоя. Над стулом висит небольшая карта. Если повернуть ее влево, кажется, что на ней изображен великан в длинной робе. Он стоит в профиль, откинув назад голову и подняв вверх руки, словно призывает в помощь небеса. Я какое-то время изучаю карту, а потом отвлекаюсь на навесную полочку – чтобы разглядеть, что на ней, приходится вставать на цыпочки. На полке обнаруживаются пластмассовая расческа и несколько заколок.

– Тут кто-то свои вещи забыл, – кричу я Мачуче.

– Какие вещи? – заглядывает он ко мне.

– Вот!

– Это я положил. На случай, если какой-нибудь посетительнице захочется сделать себе другую прическу. Ну как, ты уже готова?

Я запроваляю за уши выбившиеся из хвоста пряди волос.

– Готова!

Мачуча усаживает меня в кресло. Сзади, в тяжелой кадке, стоит искусственная разлапистая пальма и пахнет пластмассой. Я верчу головой, чтобы рассмотреть ее лучше.

– Не вертись! – делает замечание Мачуча. Он направляет на меня свет ламп, разглядывает придирчиво. – Тебе обязательно фотографироваться с этим зайцем?

– Ага.

Он цокает языком. Видно, что заяц ему не нравится. Он старый и обтрепанный, а глаза у него пуговичные и разные – один зеленый, поменьше, а другой синий и побольше. Зеленый глаз у него свой, а синий мы позаимствовали у кримпленового пальто мамы. Мачуча поворачивает зайца так, чтобы он сидел боком. Я протестую – мне важно, чтобы на фотографии его было видно целиком.

– Почему у него глаза разные? Смотрит вразнобой, как дурак, – недоумевает Мачуча.

– Пуговица потерялась, вот и пришили другую, – бубню я. Мне за зайца обидно, он хороший, мне его бабушка подарила.

Мачуча вздыхает.

– Ладно.

Он ныряет под черную накидку фотоаппарата, затихает.

– Чуть наклони голову к плечу. Улыбнись. Улыбнись! Ты умеешь улыбаться? Покажи, как умеешь. Молодец. И не моргай. Смотри вот сюда, сейчас вылетит птичка.

Фотография получается такой, что мама с папой потом смеются до слез, – в большом продавленном кресле, на фоне искусственной пальмы, сижу насуспенная я и прижимаю к груди разноглазого и облезлого тряпичного зайца.

Выполняя целостный анализ стихотворения Владимира Набокова «Художник-нищий», примите во внимание следующие аспекты его содержания и формы (поэтики): смысл и назначение искусства в понимании автора и героя стихотворения; живопись и поэзия как различающиеся и как сходные формы искусства; образный строй стихотворения (художественные функции метафоры, сравнения, олицетворения). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Набоков
Художник-нищий

Нередко на углу, под серую стеной,
видал я нищего: безногий и больной,
он в красках выражал свой замысел нехитрый.
Газетный лоскуток служил ему палитрой,
его дрожащая багровая рука
писала тщательно цветы и облака
на плитах каменных. Вот кончил. Робким взглядом
прохожего зовет, сутулится, а рядом
мечтает о гроше зияющий картуз.

И вспомнил я свой дар, ненужных светлых муз,
недолговечные созвучья и виденья, –
когда на улице, среди гула и движенья
бесчувственных колес, не встретил я вчера
калеки моего... Да что! Как из ведра
бездонного, лил дождь, и каменные плиты
блестели холодно, и краски были смыты...

1921-1922

Задание № 2 (20 баллов)

Представьте, что вы входите в рабочую группу по составлению антологии англоязычной поэзии для российского читателя. Редактор поручил вам подобрать для издания перевод стихотворения Роберта Бернса. Какой из представленных ниже вариантов вы предпочтете? Напишите редактору краткую служебную записку (не более 200 слов) с обоснованием своего выбора: почему нужно включить в антологию именно предлагаемый вами перевод? Какими достоинствами он обладает?

Перевод № 1

Любовь

Любовь, как роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя – как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

Перевод № 2

О, любовь моя – роза красная

О, любовь моя – роза красная,
Что в июне снова цветёт.
Ты – мелодия души прекрасная,
Под которую сердце поёт.

Как прекрасна ты, мною любимая!
Глубока так любовь моя.
Не умрёт любовь эта сильная,
Пока есть на Земле моря.

Пока есть на Земле моря,
Не растоплены скалы солнцем,
Буду рядом я, ведь не зря
Песок жизни сквозь время прорвётся.

До свидания, моя любовь!
Ненадолго с тобою прощаюсь.
Знаю, завтра увидимся вновь,
Сотни миль одолев, я с тобой повстречаюсь!

Справочные материалы:

1. Антология – сборник литературных текстов сравнительно небольшого объёма (стихотворений, рассказов, очерков), созданных как одним, так и несколькими авторами. Антология может объединять тексты по жанровому, тематическому, формальному или какому-то иному признаку либо представлять наиболее значительные и показательные, с точки зрения составителя, произведения.
2. Оригинал стихотворения Р.Бернса:

O my Luv'e's like a red, red rose
That's newly sprung in June;
O my Luv'e's like the melodie
That's sweetly play'd in tune.

As fair art thou, my bonnie lass,
So deep in luv'e am I:
And I will luv'e thee still, my dear,
Till a' the seas gang dry:

Till a' the seas gang dry, my dear,
And the rocks melt wi' the sun:
I will luv thee still, my dear,
While the sands o' life shall run.

And fare thee well, my only Luv
And fare thee well, a while!
And I will come again, my Luv,
Tho' it were ten thousand mile.

1794